
УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-50-58

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ
В ПРАКТИКАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ***

Прасолов Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», dmprasolov@gmail.com

В статье рассматриваются основные тенденции трансформации военной культуры кабардинцев и балкарцев в результате их интеграции в социально-политическое пространство Российской империи. Содержанием этого процесса являлись восприятие символических атрибутов, встраивание в институциональные структуры и адаптация к мобилизационным механизмам общероссийской военной культуры. Одним из важных каналов данной интеграции стала деятельность самобытных институтов местного не земского самоуправления. Опыт взаимодействия региональных властей со съездами доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ способствовал конструктивному обсуждению приемлемых условий привлечения коренного населения к государственной военной службе, закреплению традиционных и новых престижных военных атрибутов в организации государственно-политических мероприятий, а также мобилизации воинского состава, финансовых средств Кабардинской общественной суммы, материального снабжения, медицинской и социальной помощи в периоды военных конфликтов Российской империи. Таким образом, к началу XX в. были достигнуты определенные успехи в интеграции кабардинцев и балкарцев в общероссийский военно-культурный контекст.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, военная культура, съезд доверенных, не земское самоуправление, Нальчикский округ, Терская область, Российская империя.

Идеологические, символические и поведенческие принципы военной культуры традиционного кабардинского общества проявлялись во всех сферах жизни. Воинская слава являлась приоритетным фактором политического лидерства князей и дворян. Пространственная организация поселений в равнинных областях Кабарды, полевых работ и лагерей охраны, сопровождавших табуны и отары в отгонный период, свидетельствовали о постоянной готовности жителей, пахарей и феодальных владельцев к отражению возможного нападения; специализация ремесла, промыслов и коневодства была ориентирована на удовлетворение потребностей феодальной знати воинским снаряжением и средствами передвижения; почти все ценности и идеалы господствующего класса сосредотачивались вокруг войны во всех их проявлениях; система воспитания, особенно в аристократической среде, духовно и физически готовила будущих мужчин к повседневному военному быту; духовная культура, песни и предания были пронизаны военным духом,

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России». Подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Проект «Исторический опыт и актуальные проблемы интеграции культурно-сложного макрорегиона в российское государственное пространство: Северный Кавказ».

и даже народная празднично-обрядовая культура, пародировавшая феодальную иерархию, носила военизированный характер. [Прасолов 2015; Мирзоев 2015; Мирзоев 2019].

В 1822 г. с учреждением Временного суда в Нальчике завершается включение Кабарды в административно-политическую систему Российской империи. Часть кабардинцев, не приняв условий интеграции, ушла за Кубань и продолжала участвовать в сопротивлении до завершения Кавказской войны в 1864 г. Военная культура, как один из маркеров этнокультурной идентичности кабардинцев, постепенно утрачивала социокультурный контекст, в котором она культивировалась в традиционном обществе, и который получил наибольшую известность связи с событиями Кавказской войны. Потеря политической независимости Кабарды подорвала основной побудительный мотив, во имя которого веками генерировалась военная культура. Крах феодальной системы разрушил блистательную аристократическую субкультуру, являвшуюся идеологической и практической средой военной организации. Под запрет коронных властей попали соционормативные институты, прежде воспроизводившие военную традицию – аталычество и наездничество. В условиях деформации рыцарской идеи, некогда облагораживавшей силовые акции дворянства, наездничество постепенно вырождается в примитивные грабежи и конокрадство, осуществляемые организованными преступными группами, порой многонационального состава. Для военно-политической элиты сфера бытования традиционной военной культуры постепенно переместилась из прикладной в идеологическую плоскость. Она сохранялась в передаваемых по наследству коллекциях военных аксессуаров, отчасти в декоративных элементах национальной мужской одежды, фольклорных интерпретациях и воспоминаниях о славном прошлом адыгского рыцарства [АЭ 2006: 370].

Вместе с тем некоторые специфические черты традиционной военной культуры постепенно вписываются в общероссийский военно-культурный контекст. Событийным проявлением этого стало участие кабардинцев и балкарцев в военных кампаниях России второй четверти XIX – начала XX в.: Кавказской войне, подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., Крымской 1853–1856 гг., русско-турецкой 1877–1878 гг., русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войне.

С завершением активной фазы Кавказской войны на территории Кабарды традиционные критерии воинского авторитета, бывшие неотъемлемой частью социального статуса князей (пши) и дворян (уорк), растворяются среди других, прежде второстепенных мотивов общественного признания. Тем не менее, военная служба по-прежнему относилась к занятиям преимущественно привилегированных сословий. Адаптируя привычные социальные роли к общественно-политической реальности, кабардинский дворянин перестает быть воином в привычном представлении предшествующих поколений, реализуя наиболее престижные в его этнокультурной среде амбиции на службе в российской армии или в местных правоохранительных органах. Вместе с тем, офицеры, увольнявшиеся из российских военных частей, становились носителями новых привычек. Нередко с трудом они встраивались в традиционный сельский социокультурный мир, чувствуя себя более комфортно в северокавказских городах и слободах – Владикавказе, Пятигорске, Нальчике, Кисловодске и т.п.

Представители привилегированных сословий, прошедшие военную службу, использовались и в качестве кадровых ресурсов при комплектовании местной администрации и интеграции выходцев из коренного населения в систему управления Российской империи на Северном Кавказе. С учреждением военно-народного управления в числе российских офицеров капитан Т. Шипшев в 1860–1861 гг. занимал должность начальника Черекского участка Кабардинского округа [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 28]. В чине майора в 1863–1864 гг. он возглавлял Шапсугский округ. В 1910 г. первым кабардинцем – начальником Нальчикского

округа был назначен подполковник С. Клишбиев, исполнявший свои обязанности до марта 1917 г.

Престижность российских воинских статусов проявлялась в делопроизводстве съездов (сборов) доверенных – регулярных совещаний представителей сельских обществ под председательством начальника округа. Некоторые из общественных приговоров первыми подписывали офицеры в порядке старшинства, а затем уже представители знати, не имевшие званий [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1265. Л. 12; Д. 1279. Л. 2]. Такая иерархизация не являлась бюрократическим стандартом и соблюдалась в совершенно разных по тематике постановлениях: по земельному вопросу, начиная с Акта 20 августа 1863 г. [УЦГА АС КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Т. 1. Л. 13–13об.], при назначении стипендий кабардинцам и балкарцам, обучающимся за пределами Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 85. Л. 81; ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 594. Л. 18–18об.], в ходатайстве о разграничении территориальной компетенции основного и горского отделений Нальчикского горского словесного суда [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 96. Л. 62–62об.] и т.п. Можно предполагать, что этот делопроизводственный прием использовался для придания общественным постановлениям большей весомости фактом участия в их принятии наиболее высокопоставленных и влиятельных офицеров из кабардинцев и балкарцев. Особенно это было характерно в период активной общественной деятельности генерала Т. Шипшева в 1880–1890-х гг., для которого воинское старшинство среди соотечественников было средством мобилизации и консолидации социального капитала других земляков, имеющих нижестоящие офицерские звания [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1318. Л. 13об.]. Многочисленные ходатайства и комиссии во главе с генералами Т. Шипшевым, Т. Алтатдуковым и Ж. Джамбековым, санкционированные съездами доверенных, использовались для постановки и решения актуальных общественных вопросов и имели широкий резонанс в Терской области [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 49. Л. 2; ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1305. Л. 11об.; П. 1905; Дышеков 2000]. Тем самым сопричастность к общероссийской военной культуре, статусность в этой среде, выступали значимыми факторами в практиках окружного местного самоуправления.

Одной из развивающихся тенденций трансформации военной культуры кабардинцев со второй четверти XIX в. стало восприятие российских идеологических и институциональных армейских принципов и атрибутов (долг, присяга, субординация, полковые муллы). Высокую престижность приобретают новые маркеры воинских достижений, выраженные в офицерских званиях, наградах и т.п. Причем, воинские отличия из сугубо индивидуальных приобретают новые коллективистские масштабы.

В 1844 г. «по особому Высочайшему повелению» вместе с грамотой Николая I, в которой отмечалось «постоянное усердие, преданность и всегдашняя готовность к поднятию оружия противу враждебных горцев, оказываемые кабардинскими жителями», последним было пожаловано знамя, которое предлагалось «употреблять при ополчении против неприятельных Империи Нашей народов» [Кудашев 1913: 126–127]. Этот престижный атрибут сопричастности к имперской военной культуре выступал и символическим средством мобилизации. Подобные «высочайшие» пожалования обязывали к регулярным ответным репрезентациям. Поэтому этикетной особенностью военной культуры кабардинцев и балкарцев, служивших в российской армии, на завершающем этапе Кавказской войны становится формализация верноподданнического усердия и мобилизационной готовности. Свидетельством этому стало ходатайство группы офицеров из Кабардинского округа, поданное 28 января 1864 г. на имя начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова. В документе, оформленном на русском и арабском языке, заявлялось: «Осведомившись, что Чечня волнуется, Большая и Малая Кабарда просят

дозволить им быть в передовых войсках для усмирения непокорных. У кого есть конь и оружие, все готовы идти. Мы будем счастливы, если удостоверитесь приказать нам явиться с нашими всадниками доказать нашу кровью признательность за попечения, коим мы осчастливлены Вашею о нас заботливостью» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 14. Д. 20. Л. 3–5]. Обращение 28 января 1864 г. подписало более 20 представителей кабардинской и балкарской аристократии, причем не в порядке сословной иерархии, а согласно воинской субординации [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1209. Оп. 14. Д. 20. Л. 3–5].

В честь пожалования знамени в начале мая 1844 г. на средства из Кабардинской общественной суммы (далее – КОС) были организованы всенародные гуляния в Нальчике [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 388. Л. 6–6об.], а впоследствии выплачивалось жалование штатному знаменосцу из горцев-военнослужащих [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 956. Л. 6]. Знамя стало обязательным элементом ритуального протокола при встрече высокопоставленных лиц, проезжавших через Кабарду [УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 2. Д. 123. Л. 2об.]; использовалось в общественных мероприятиях, например, при встрече во Владикавказе в 1888 г. Александра III [Потто 1889: 43], праздновании «высочайшего пожалования» Зольских и Горных пастбищ в постоянное неотъемлемое пользование кабардинского народа и горских обществ (Нальчик 1889; Слобода Нальчик 1889).

Для поддержания в надлежащем состоянии знамени и грамоты, сопровождавшей его пожалование, средства КОС выделялись до Первой мировой войны [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 40. Т. 1. Л. 91; Т. 2. Л. 651]. Эта воинская реликвия сопровождала кабардинских и балкарских добровольцев в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и русско-японской войне 1904–1905 гг., а в мирные годы хранилась в квартире начальника Нальчикского округа. В августе 1914 г., когда Кабардинский конный полк готовился к отправке на фронт Первой мировой войны, было признано необходимым также взять и знамя [Опрышко 2014: 23]. По свидетельству очевидца, «народное знамя» сохранялось в Нальчике и после Февральской революции 1917 г. окружным комиссаром Временного правительства Г. Чижоковым [Арсеньев 1972].

Съезды доверенных санкционировали расходы для организации национальных делегаций на разнообразные верноподданнические мероприятия. В подарках, которые преподносились высокопоставленным лицам, всегда доминировала военная атрибутика, как наиболее престижная в иерархии традиционных ценностей кабардинцев и балкарцев. В январе 1883 г. съезд доверенных постановил «изготовить собственного изделия шашку для поднесения Государю Императору в день священного коронавания» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л. 3–5]. По этому же поводу сбором 12-ти доверенных балкарских обществ «на наш общий счет» из КОС было позаимствовано 500 р. на изготовление и поднесение императору «азиатской винтовки», а в составе делегации на коронацию командирован подполковник Х. Урусбиев [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 5. Т. 1. Л. 59, 62, 70, 145–146об.]. В мае 1883 г. полковник Т. Шипшев «на счет народных сумм во внимание деятельности его на пользу народа» был включен в число участников в коронации Александра III как ассистент для поднесения «почетной азиатской шашки» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 5. Т. 1. Л. 16, 23]. В ходе путешествия императорской семьи по Кавказу в 1888 г., во Владикавказе Александр III принимал представителей всех народов Терской области. Членам его семьи были подарены богато отделанные традиционные черкесские костюмы, фамильное оружие кабардинской аристократии, а также четыре лошади лучших заводов. Кульминационным моментом встречи стал выезд самого императора «на белом кабардинском коне». Репрезентация символической взаимосвязи военных традиций прошлого и современности проявилась в ритуальном первенстве в кабардинской делегации действующего генерал-майора Т. Шипшева и столетнего Э. Анзорова, служившего в императорском

Конвое еще при Николае I. При этом старик был облачен в фамильный панцирь, который носил его предок, участвовавший в штурме Астрахани войсками Ивана Грозного [Потто 1889: 26-27, 33, 43-44]. Примечательно, что вслед за этим событием в благодарность за «старинную фамильную шашку» Атажукиных, безвозмездно уступленную для подарка «наследнику цесаревичу», приговором съезда доверенных в декабре 1888 г. с наследников Асламбека Атажукина были сложены долги в КОС. В октябре 1907 г. съездом доверенных была назначена «депутация для поднесения шашки наместнику его императорского ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказе графу Воронцову-Дашкову» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 874. Л. 79].

С объединением кабардинцев и балкарцев административным пространством Кабардинского округа в 1858 г. развиваются новые мобилизационные механизмы, в которых значимую роль играли съезды доверенных, на которых обсуждались и вопросы, связанные с военными обязательствами кавказских подданных по отношению к российскому государству.

В марте 1884 г. газета «Казачий вестник» сообщала, что осенью 1883 г. «была объявлена горским племенам, населяющим Терскую область, воинская общегосударственная повинность, несение которой в ближайшем или отдаленном будущем возложится». При этом автор статьи сожалел, что миссия объявления высочайшей воли была возложена на «низших агентов власти в области», которые оказались не на высоте положения и своими объявлениями вызвали тревогу, усиливая стремление части населения к переселению в Турцию [Из Терской области 1884]. Основные направления последующего поиска имперскими властями способов распространения всеобщей воинской повинности на мусульман Северного Кавказа рассмотрены в статье М.А. Арсанукаевой [Арсанукаева 2015]. Однако, автор не осветила реакцию горского населения на эти намерения, ограничившись фрагментом сообщения современника, который объяснял возросшую обеспокоенность горского населения не отторжением идеи военной службы, а плохой подготовительной работой местной администрации, которая вызвала недоразумения и нежелательные слухи. Автор этого мнения Я. Абрамов, в 1884 г., ссылаясь на сведения очевидца, писал, что вопрос о предстоящем введении воинской повинности оживленно обсуждался «в каждом из аулов, расположенных на плоскости и высотах кавказского хребта, можно было наблюдать в продолжении долгого времени, изо дня в день с ранней зари до поздней ночи, густые толпы аульчан всех возрастов, начиная малыми детьми и кончая дряхлыми стариками, стоящими небольшими группами, по 10-30 человек у сакель или у мечетей, шумно и оживленно говорящими о предстоящей реформе» [Абрамов 1991: 246-247].

Интересно, что в Нальчикском округе вопрос об отбывании воинской повинности обсуждался съездом доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ еще 16-17 августа 1883 г. Владикавказская газета «Терек» сообщала, что собрание началось с выступления начальника округа Браккера «который коротко высказал, что по воле Государя, они [кабардинцы и балкарцы. – Д.П.], как равноправные подданные России, должны нести, наравне с другими и самую тяжкую из повинностей — повинность воинскую... Некоторые, говоря о своих поправных правах, положительно восставали против введения воинской повинности и поговаривали о переселении в Турцию; говорили и совершенно противное, т.е. что повинность эта не так страшна, как кажется; что требованию начальства должно подчиниться и спокойно оставаться дома. Это говорили большей частью те из кабардинцев, которые побывали в русской службе; этого же мнения придерживались почти все горцы [балкарцы. – Д.П.]. Куда девалась их апатия и равнодушие, какими отличались прежние срочные съезды, когда все вопросы решались несколькими заправилками. Серьезная озабоченность выражалась на этот раз на всех лицах; видно, что дело касается собственной кожи. Почти у всех представителей, конечно, есть свои собственные дети и другие близкие, которых воинская повинность

должна коснуться, и потому вопрос этот для них – вопрос жизни и смерти. Не удалось также поэтому обычным законам решить вопрос по-своему; они получили такой отпор, что многие из них со стыдом должны были ретироваться. Ни на чем не порешив, отправились они держать свой ответ пред начальством округа, которому и объяснили, что воинская повинность всегда была для них страшным пугалом и поэтому, чтобы избавиться от нее, они готовы на всякие жертвы; что они до сего времени содержали на свой счет милицию и готовы еще прибавить на содержание ее, а в случае войны – снарядить из себя, на свой счет полк. Г. Браккер, выслушав это, обещал принять все к сведению и что возможно сделать в интересах народа...» [Нальчик 1883].

В ноябре 1883 г. обсуждение вопроса продолжилось в совещании под председательством начальника штаба Кавказского военного округа, в котором от народов Нальчикского округа участвовал генерал-майор князь Анзоров. Как пишет М. Арсанукаева, «офицеры из горцев высказывались за распространение воинской повинности на горцев «без всяких временных изъятий из общего Устава», а наиболее предпочтительной признавалась служба в иррегулярных частях [Арсанукаева 2015: 17].

Определенный интерес представляют частные реакции на происходящие события. Немного комичным проявлением недовольства перспективами воинской повинности стало дело, рассмотренное Нальчикским горским словесным судом, которому первоначально придали едва ли не антиправительственный характер. Поводом для разбирательства стало донесение, что 20 сентября 1883 г. в одном из питейных заведений вблизи Нальчика, находясь в нетрезвом состоянии П. Пазов не лестно отозвался об императоре и его намерении привлечь мусульман к отбыванию всеобщей воинской повинности, провозгласив: «а все-таки кабардинцы служить не будут». Постановлением суда Пазов на 2 недели был заключен под арест на Нальчикской гауптвахте. Вскоре после отбытия наказания, ввиду незначительной опасности совершенных действий, особый надзор за П. Пазовым был отменен по рекомендации товарища министра внутренних дел [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 8. Д. 378. Л. 1–1об, 2, 6].

В декабре 1883 г. аптекарский ученик Э. Кудашев обратился к начальнику Нальчикского округа за свидетельством «для подачи в университет к предстоящему экзамену на степень аптекарского помощника», о том, что он не подлежит отбыванию воинской повинности [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 44. Л. 68].

Очевидно, приняв во внимание общественные настроения, 28 мая 1886 г. Александр III подписал «высочайшее повеление» «О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей», в котором оговаривалось, что «для лиц мусульманского исповедания поставку новобранцев заменить временно, впредь до дальнейших распоряжений, взиманием особого денежного сбора в доход Государственного Казначейства, присвоив сему сбору наименование *налога взамен исполнения воинской повинности натурою*» [Высочайшее... 1886: 1].

Однако и к началу XX в. перспективы регулярной военной службы не переставали беспокоить горцев [Ом 1901]. Автор «Каспия» Близкий в конце 1902 г. считал, что «туземцев не так пугает сама служба, как обстановка, при которой им бы пришлось отбывать повинность», в частности, трудности соблюдения религиозных требований. При этом высказывалось мнение, что такие страхи можно преодолеть, «создав отдельные пехотные и кавалерийские части из туземцев» [Близкий 1902]. Однако в другой очерке автор признавал и другие основания недоверия к российской военной службе, бытовавшие среди части привилегированных сословий. Имея возможность пристроить своих детей в элитные военные части, кабардинские князья опасались, что их сыновья «будучи поставлены в детском возрасте в иные жизненные условия учебных заведений и находясь далеко от родины

и родных в Петербурге, отвыкнут от всего своего, даже могут забыть свой язык и религию» [Близкий 1903]. Другие аспекты общественных опасений зафиксировал в своем инспекторском отчете в 1908 г. представитель дирекции народных училищ Терской области: «Один хаджи указал мне, что кабардинцы думают, что школою хотят подготовить их к отбыванию воинской повинности, чего они очень боятся, а потому и не посылают детей в школу. Этот хаджи, бывший капитан русской службы, пользуется большим влиянием в обществе и школа в этом селении самая многолюдная» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 9. Д. 67. Л. 5].

Еще одним обстоятельством, вызывавшим неприятие всеобщей и регулярной военной службы, стала пространственная отдаленность российских войн. Еще на завершающем этапе Кавказской войны в картине мира кабардинцев менялась географическая локализация военных действий. Ситуация, когда их мирный быт протекал в контексте регулярных военных угроз ушла в прошлое. Военная повседневность все больше дистанцировалась от территории Кабарды, оставляя более четкие границы с мирным бытом. «Их война», мотивированная необходимостью защиты своей малой родины, прекратилась. Если в традиционном виде она представлялась как некая совокупность угроз, располагавшихся непосредственно у порога жизненного пространства, то теперь, в войнах России, она происходила на неприемлемой дистанции, пугающей своей отдаленностью от малой Родины, исчезая за пределами обозримого географического горизонта в Закавказье, в Маньчжурии, в Галиции и т.п. Эти пространственные представления резко изменятся в 1918 г. с развертыванием Гражданской войны, которая вновь восстановит ощущение включенности Кабарды в водоворот военных действий, еще и с крайне обострившимися локальными и интерсоциальными противоречиями.

К концу первого десятилетия XX в. вопрос о воинской повинности вновь начал прорабатываться в переписке МВД с начальниками Терской и Кубанской областей [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1110. Л. 1–18]. В 1911 г. в среде черкесской интеллигенции высказывалась разнообразная обеспокоенность слухами и реальными перспективами привлечения к военной повинности. Х. Хаджемор осуждал попытки привлечения традиционно конных кабардинцев к пехотной службе [АП 2005: 61–62]. М.-Б. Хаджетлаше поддерживал идею службы в Кубанском казачьем войске [АП 2005: 308–309]. П. Коцев рассказывал о том, как этот вопрос рассматривался на «собрании выборных» «из представителей туземного населения» Кубанской области, но «совещание уполномоченных не пришло ни к какому решению». Обобщая прозвучавшие сомнения, автор писал: «Представители, высказав о своей культурной и экономической неподготовленности, о своем незнании с организацией того или иного рода службы, наконец, не уверенные, что центральная власть именно в данное время желает привлечь их к военной службе, разъехались, чтобы обсудить этот вопрос совместно с широкими слоями населения». При этом также отмечалась тревога за перспективы службы в казачьих частях [АП 2005: 181–184].

На фоне интеллектуальной рефлексии интеллигенции по поводу возможностей кабардинцев, как и других адыгов, адаптироваться к восприятию военной культуры Российской империи, произошло новое нормативное оформление общественного мнения. 15 марта 1911 г. доверенные Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ в присутствии начальника округа С. Клишбиева приняли приговор об отбывании воинской повинности «натурою в форме отдельной кавалерийской части по образцу осетинского дивизиона и избрании по этому поводу особой депутации к наместнику» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 826. Т. 2. Л. 11].

Тем не менее, общественное волеизъявление не получило практического воплощения – до конца Российской империи всеобщая воинская повинность так и не была распространена на мусульманское население Терской области. Гораздо более значимыми для региональных властей оставались возможности мобилизации

не только человеческих, но и материальных ресурсов, облакаемые в верноподданническую и патриотическую форму. В марте 1904 г. внеочередной съезд доверенных санкционировал пожертвование из средств КОС 10 тыс. руб. «на нужды отечественного флота» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 727. Л. 55]. И уже вне экстремальных обстоятельств военного времени октябрьский съезд 1910 г. выделил 200 руб. на нужды военно-воздушного флота [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 933. Л. 23].

В наибольшей мере мобилизационные возможности институтов окружного самоуправления оказались востребованными с началом Первой мировой войны. 24 июля 1914 г. внеочередной съезд доверенных обратился к начальнику Терской области с просьбой: «Разрешить населению Кабарды и пяти Горских обществ выставить за счет населения на театр военных действий Кабардинский конный полк четырехсотенного состава» [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 28]. В течение Первой мировой войны сельское и окружное самоуправление осуществляло разнообразные меры по экстремальной мобилизации ресурсов в форме конской и военно-воловьей повинности [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 33. Л. 64], снабжению оружием и обмундированием Кабардинского полка [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 150–153; Т. 4. Л. 36], в том числе и в 1917 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 36. Л. 131, 134]. Наряду с этим на средства КОС организовывались торжественные мероприятия при отправлении на фронт основного состава и дополнительных подразделений [УЦГА АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 44. Т. 1. Л. 12] и встрече воинов с фронта в 1917 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 36. Л. 132]. Помимо этого, финансируемые КОС медицинские общественные учреждения были дополнены лазаретом для раненных российских воинов, а на сельские общества возлагалось социальное попечение семей, чьи кормильцы ушли на фронт [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 169–169об.].

Таким образом, к началу XX в. были достигнуты определенные успехи в интеграции кабардинцев и балкарцев в общероссийский военно-культурный контекст. В немалой степени этому способствовал опыт взаимодействия региональных властей со съездами доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ, сложившийся при обсуждении приемлемых условий привлечения коренного населения к государственной военной службе, организации государственно-политических мероприятий, а также мобилизации воинского состава, финансовых средств, материального снабжения, медицинской и социальной помощи в периоды военных конфликтов Российской империи.

Источники и литература

1. *Абрамов Я.* Кавказские горцы // Из истории русско-кавказской войны. Документы и материалы / сост., автор предисловий, комментариев и примечаний А.М. Эльмесов. Нальчик, 1991. С. 203–247.
2. АП 2005 – Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века (Избранное) / сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 360 с.
3. *Арсанукаева М.С.* Отбывание воинской повинности горцами Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Право и государство: теория и практика. 2015. № 12 (132). С. 16–19.
4. *Арсеньев А.А.* Воспоминания о службе в кабардинском конном полку. Март 1917 г. – март 1918 г. // Военная быль. 1972. № 117 // Электронный ресурс: <http://lepassemilitaire.ru/vospominaniya-o-sluzhbe-v-kabardinskom-konnom-polku-okonchanie/> (Дата обращения: 10.12.2019).
5. АЭ 2006 – Адыгская (Черкесская) энциклопедия / гл. ред. М.А. Кумахов. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. 1247 с.
6. *Близкий.* Туземцы Северного Кавказа // Каспий. 1902 № 268. С. 2.
7. *Близкий.* Туземцы Северного Кавказа // Каспий. 1903. № 5. 13 декабря. С. 5.

8. Высочайшее повеление «О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей». Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1886. 5 с.
9. *Исторические сведения о кабардинском народе*: [К 300-летию дома Романовых / изд. В.Н. Кудашева]. Киев: Типо-лит. С.В. Кульженко, 1913. 283 с.
10. Кабардинцы и балкарцы в составе Кабардинского конного полка в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / сост., автор комментариев – О.Л. Опышко. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 222 с.
11. *Мирзоев А.С.* Кодекс чести черкесского дворянства // Кавказский сборник / под ред. В.В. Дегоева. М.: ООО Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 306–332.
12. *Мирзоев А.С.* Некоторые аспекты традиционной военной культуры черкесов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 5 (67). С. 171–177.
13. *Нальчик* // Терек. 1883. № 103. С. 2.
14. *Ом.* Воинская повинность мусульман Северного Кавказа // Приазовский край. 1901. № 200. С. 2.
15. *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888 года. Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1889. 236 с.
16. *Прасолов Д.Н.* Военная культура кабардинцев после Кавказской войны // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Средне-азиатско-кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 315–319.
17. Слобода Нальчик (Терской области) // Кавказ. 1889. № 175. С. 2.
18. *УЦГА АС КБР* – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
19. *УЦДНИ АС КБР* – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
20. *ЦГА РСО-Алания* – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

**TRANSFORMATION OF MILITARY CULTURE
OF KABARDINIANS AND BALKANS
IN PRACTICES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX C.**

Prasolov Dmitry Nikolaevich, Candidate of History, Head of the Ethnology and Ethnography Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dmprasolov@gmail.com

The article discusses the main trends of transformation of the military culture of Kabardians and Balkans as a result of their integration into the social and political space of the Russian Empire. The content of this process was the perception of symbolic attributes, integration into institutional structures and adaptation to mobilization mechanisms of the all-Russian military culture. One of the important channels of this integration was the activities of the unique institutions of local non-terrestrial self-government. The experience of the regional authorities' interaction with the congress of the entrusted Grand and Minor Kabarda and the five mountain societies has contributed to a constructive discussion of the acceptable conditions for the participation of indigenous people in State military service, Consolidation of traditional and new prestigious military attributes in the organization of public-political events, As well as the mobilization of military personnel, funds of the Kabardin public sum, Material supplies, medical and social assistance during the military conflicts of the Russian Empire. Thus, by the beginning of the 20th century, some progress had been made in the integration of Kabardians and Balkans into the all-Russian military-cultural context.

Keywords: Kabardians, Balkars, military culture, congress of entrusted, non-terrestrial self-government, Nalchik district, Tersk oblast', Russian Empire.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-50-58